

Урютова Юлия Анатольевна

преподаватель кафедры социальной работы
и социального права
Армавирского института социального
образования (филиала)
Российского государственного
социального университета
dom-hors@mail.ru

**РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ:
АПЕЛЛЯЦИЯ К ПРОШЛОМУ
ДЛЯ СОЗДАНИЯ БУДУЩЕГО**

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению возможностей обретения Россией своей национальной идентичности. Одной из таких возможностей является осознание своей исторической миссии в условиях трансформаций современного общества. Для этого необходимо преодоление кризиса национальной и культурной идентичности, поразившего российское общество со времен реформ Петра Первого и продолжающегося в современных условиях путем, восстановления исторического наследия и с опорой на культурные ценности.

Ключевые слова:

идентичность, культура, национальное своеобразие, национальное самосознание, мессианство, византизм, русская идея, глобализация, информатизация.

Uryutova Yulia Anatolievna

Lecturer of the Social Work
and Social Law Department,
Armavir Institute for Social Education,
branch of Russian State Social
Science University
dom-hors@mail.ru

**RUSSIAN NATIONAL
IDENTITY:
ASCENT INTO THE PAST
FOR CREATING THE FUTURE**

The summary:

The article dwells upon possible ways to find the national identity by Russia. The author considers awareness of its historical mission under the circumstances of modern society transformation as one of such ways. In order to achieve this objective, it is necessary to overcome the crisis of national and cultural identity, which struck the Russian society during the course of Peter the First's reforms and has been lasting since then even in the current context, by means of historical heritage restoration and basing upon cultural values.

Keywords:

identity, culture, national identity, national peculiarity, national consciousness, messianism, Byzantinism, the Russian idea, globalization, informatization.

Сегодня российские граждане особенно остро ощущают неопределенность в понимании своей геополитической, цивилизационной, социально-экономической и прочей специфики и роли.

В связи с этим Россия не способна вернуться на исторически преемственный путь своего развития и самоопределиться как современный субъект на мировой арене. Утрата ею своего национального своеобразия приводит к ослаблению практически всех позиций в транснациональном пространстве, а также во всеобщем историческом процессе в целом. И в случае, если в ближайшее время страна не преодолеет кризис национальной идентичности, масштабы угрозы национальной безопасности значительно расширятся. Не хочется утверждать однозначно, что последствия глобализации для обретения национальной идентичности губительны, но, во всяком случае, весьма противоречивы: с одной стороны, этот процесс дает ранее неизвестные, новые возможности для процветания и развития страны, а с другой – создает все новые и опасные угрозы. В случае с идентичностью опасность глобализации заключается в «размывании» культурного ядра нации, но положительной чертой является усиление стремления к формированию национального самосознания.

Для обретения национальной идентичности и ее сохранения необходимо осознание русским народом своего предназначения. Русские, их национальный менталитет и генетический фонд являются фундаментом существования России. И если его не станет, стране грозит распад на большое количество разных государств, что чревато возникно-

вением тяжелых межнациональных конфликтов, переделом всеобщих границ и, возможно, в дальнейшем и мира.

У русских национальная идентичность всегда присутствует на архетипическом уровне, и потому нам не нужно восстанавливать ее каким-то искусственным способом. То же самое можно сказать и о вопросе национальной идеи. Смена общественно-политического строя не меняет глубины смысла и содержания ее, потому что подобная историческая трансформация происходит постепенно, в течение длительного времени, на протяжении которого вносятся необходимые корректировки.

И сейчас для нашей страны наиболее острую актуальность приобретает проблема выбора пути своего исторического развития. Именно проект будущего страны формирует ее настоящее, а строя модель грядущего, нельзя не учитывать ее прошлое [1, с. 283]. И сегодня часто ведутся дискуссии о судьбе России, о ее взаимодействии с западной и восточной цивилизациями и т. п. Очередной возврат к теме национальной идеи вызывает интерес и к дальнейшему исследованию национальной идентичности, в том числе и к истории как к фактору ее обретения и сохранения.

По мнению современных исследователей, особый подъем русской идентичности присущ России в период ее истории, который предшествует реформам Петра Великого. В дальнейшем под влиянием западных веяний и модернизаций оно претерпевает различные видоизменения.

Древнерусская история пропитана ощущением общности исторической судьбы и представлений об общей родине. Представления о воинской чести ассоциировались со славой отечества, о чем свидетельствуют договоры, заключавшиеся Русью с Византией, от имени всего русского народа («языка») в целом [2, с. 120].

Древнерусские представления о народном единстве опирались на происхождение русского языка как на главный признак русского своеобразия. А после крещения Руси к данному критерию прибавился религиозный фактор православия.

В быту на Руси можно было быть носителем локальной идентичности: быть жителем Киева, Владимира, отстаивать интересы своего князя в междоусобных войнах, но при столкновениях с татарами, хазарами и иными завоевателями тюркского происхождения на первый план выступала общерусская идентичность, общероссийский патриотизм.

В качестве реакции на татаро-монгольское нашествие и распад Киевской Руси на отдельные княжества с узкоместными интересами возникла идейная тенденция, которая ясно показала необходимость общерусского государства. Князья поддерживали семейные летописания, которые со временем объединялись в единые летописные своды. Характер летописания был частично обусловлен современными политическими обстоятельствами, летописи переписывались, дробились, акценты изменялись, одни части летописного свода могли быть заменены другими частями из другого свода [2, с. 122].

Родовые княжеские летописи прославляли князя, городские же – порицали княжеские недостатки (например, когда из Новгорода в 1136 году был изгнан внук Владимира Мономаха). Но все эти разнообразные памятники русской культуры вместе выступали видимым отражением общего исторического чувства и преемственности русской истории.

С течением времени усилия по созданию общерусских летописей только возрастали. Летописцы отдельных городов и княжеств все чаще пытались вносить в свои записи сведения о соседних землях, придавая им общерусский характер.

Затем возрастающее давление степи вытесняло из летописей прежнее внимание к княжеским усобицам и взаимным претензиям. Идеологическая попытка созидания политического единства страны посредством теории родового владения Русской землей, стала заменяться идеей единства перед внешней угрозой, единства, основанного на любви к

родине, свободе и воинской славе предков. «Слово о полку Игореве» стало выражением идеи общерусского единства именно на этой новой основе. Его невозможно обойти вниманием при рассмотрении процесса становления русского национального самосознания.

Последовавшее татаро-монгольское нашествие подорвало культурную деятельность Руси, но не смогло уничтожить интереса к прошлому, исторического самосознания и чувства национальной идентичности.

В дальнейшем ослабление Золотой Орды и укрепление общерусского самосознания требовали поиска, а затем возвышения того центра, который бы стал единственным выразителем идеологии объединения русских земель. В XIV–XV вв. началась борьба между Тверью, Москвой и Новгородом за роль собирателя русских земель. Крепкая великокняжеская московская власть была гарантом стабильности развития постепенно создававшегося единого общерусского государства, и поэтому широкие слои населения тяготели к Москве. Возвышение Москвы сделало ее одним из центров осмысления прошлого общерусской истории. Представления о единстве Русской земли стали повсеместными среди интеллектуальной элиты XV века, несмотря на то что в политическом отношении было весьма мало надежд на скорое воплощение этих представлений в реальность. Непростая история объединения русских земель и возвышения Москвы демонстрирует, что политическое и моральное возрождение невозможно без обращения к историческому идеалу [2, с. 134].

К XIV веку русский народ отличался особенно крепким национальным самосознанием, и ему как никогда было присуще чувство собственного достоинства. Вступая в дипломатические отношения с другими странами, русские дипломаты делали акцент на свое знание византийской и российской истории. И кроме того, они умели создавать сложную идеологию превосходства русских царей над правителями Европы. В этот момент Россия четко, как никогда, осознавала свою национальную идентичность. В старомосковском православном самосознании не возникало и мысли о принадлежности России к Западу или Востоку. Россия была сама собой, без комплексов, без зависти к чужим достижениям, с чувством морального превосходства и уверенности в своем будущем.

Но нельзя не отметить, что были предприняты попытки выйти на мировую арену («прорубить окно в Европу»), хотя бы Иваном Грозным. Однако сделать это он пытался на своих условиях. Он трепетно относился к своим титулам, создавая легенду о древности своего происхождения. Любил в своих многочисленных посланиях ссылаться на славные страницы русской истории, говорить о славных российских правителях. Иоанн IV в переписке с европейскими монархами подчеркивал божественное и наследственное происхождение своей власти. Он был тем правителем, который выступал воплощением старомосковской самодостаточной российской православной идентичности. То, чего не смогли ранее сделать разрушительные войны, смог сделать Петр Первый и продолжатели его реформ: погубить историческое самосознание и чувство преемственности по отношению к своему прошлому. Рецепция импульсов западной модернизации исказила и отделила самосознание народных масс.

В отличие от Иоанна Грозного, Петр Первый был воспитан не на духовной православной литературе, а общением с обитателями Немецкой слободы. Он оказался восприимчив не только к западным модернизациям, но и западным нравам и обычаям, чем отравил, онемечил национальное сознание высших классов русского общества. Перенос столицы в Петербург и проводя вестернизацию, реформатор обрекал интеллектуальную элиту страны и русское общество на неизбежный европоцентризм. С этих пор российский византизм стал казаться фикцией, так как плоды западного просвещения лишили страну его ярких внешних проявлений, и тем не менее византизм остался. Обретая европейские

формы, Россия сохранила византийское содержание, но утратила при этом понимание своего византизма, стала страной с расколотым сознанием.

Это противоречие между европейскими формами и византийским содержанием дало о себе знать, вылившись в спор славянофилов и западников – первое явное свидетельство поразившего русское общество кризиса национальной и культурной идентичности.

Потеря преемственных связей по отношению к собственной истории и культурное обособление правящей и образованной элиты от народных масс после реформ Петра Первого, укрепление государства и превращение его в мощную державу, включенную в Европейские международные отношения, привели к тому, что хранительницей русской культуры стала церковь. Она, как живой и действующий институт, стала тем источником, благодаря которому можно было укреплять русское самосознание в условиях постоянного давления западно-европейского общественного мнения, повсеместной вестернизации элиты.

Много позже, когда революция нанесла удар по православию и заменила его марксистско-ленинской идеологией, Россия утратила свое мессианское призвание. И неясно теперь, сможет ли православие в будущем заменить собою исчезнувшую советскую идеологию. Стоит заметить, что советская власть смогла дать народам империи общую идею, но с крушением СССР утрата ее обернулась кризисом самосознания и «обездвиживанием» государственной воли. В идеологической сфере обосновывавшийся когда-то византизмом русский империализм и тесно связанное с ним мессианство трансформировались в мечту о мировой революции с центром в Москве и о братстве народов идеального общества будущего. Цивилизационная матрица российского культурно-исторического типа нисколько не изменилась, однако составляющие ее элементы обрели новую форму и новые возможности для дальнейшего развития.

Одним из важнейших последствий революции, касающихся трансформации самосознания общества, стало возникновение понятия «советский народ». Оно позволяло сохранять многонациональную Россию в ее прежних границах и даже включать в нее новые страны, сохраняя при этом казавшееся потенциально губительным для целостности государства федеративное устройство. Понятие «советский народ» было явлением совершенно искусственным, но в условиях мощного идеологического аппарата оно оказалось вполне жизнеспособным, чтобы на какое-то время стать основой самосознания советского общества.

Период ускоренной модернизации в виде индустриализации, коллективизации, пятилеток и т. д. и победа в Великой Отечественной войне стоили обществу невероятных жертв, но способствовали укреплению советской идентичности.

Вопрос о национальной идее как о пути обретения идентичности чрезвычайно сложен, абстрактен, но необходим. Человеку свойственны обобщения, тем более что не может жить нормальной политической жизнью общество, убеждения которого не объединены одной, близкой большинству населения, идеей. Однако сформулировать эту идею отнюдь не просто. Национальную идею можно уловить, наблюдая историческую жизнь народа, выявляя побудительные причины его развития. Но и при таком подходе единства нет.

Например, по мнению В. Соловьева, религиозный смысл русской идеи, категорически не совместим с идеей абсолютного государства, даже национального и христианского. Он заключается в объединении религиозного и светского в единое целое.

Достоевский в своей трактовке сущности русской идеи являлся представителем традиционного для русской философии идеалистического направления и православно-славянского мессианизма.

Можно еще много рассуждать о взглядах русских мыслителей на национальную идею, но, суммируя их, стоит сказать, что источником и сутью русской идеи являлись ви-

зантизм и православие, значение которых для русского самосознания легко прослеживается в истории России и ее государственной идеологии.

Каждый народ должен рано или поздно разобраться со своей национальной историей, которая не может быть сплошной чередой побед и триумфов, и, взвесив ее на весах совести и морали, решительно отделить добро от зла [3, с. 473].

Как ни парадоксально звучит, однако, чтобы забыть прошлое, не говоря уже о том, чтобы его не повторять, об этом прошлом нужно помнить. А это очень не просто. Ведь история представляет собой нестабильную, взрывоопасную материю, с которой надо обращаться осторожно. Тот, кто не знает своего прошлого, не знает, кто он. Когда человек впадает в беспамятство, он превращается в ребенка. Осмыслила ли Россия свое историческое прошлое и его ошибки? Ответ однозначен: нет, она еще далека от этого осмысления. И свидетельством тому служит нынешний кризис идентичностей на всех ее уровнях, а также нахождение России опять в процессе перемен [3, с. 474].

Возрождение России предполагает не формальную реставрацию, а нечто гораздо большее — восстановление кодов альтернативности. На первый взгляд кажется, что вероятность успешной модернизации по западному образцу намного превышает вероятность успеха стратегии прорывного развития, но при тщательном рассмотрении выясняется, что это не так. Во-первых, есть серьезные основания сомневаться в принципиальной и реальной осуществимости проекта модернизации в России по западному образцу. Во-вторых, существует альтернатива западному варианту модернизации. России категорически необходимо перейти в парадигму не имитационного, т. е. догоняющего, а именно опережающего развития, а значит, альтернативного.

Опережающее развитие России может идти лишь с опорой на инновационный проект и в парадигме альтернативности, парадигме прорыва. При этом прорыв вовсе не предполагает возвращения к мобилизационной модели. Он апеллирует не к реставрации, а к радикальной, коренной реформации.

Безальтернативность западного пути развития внушалась России отечественными и зарубежными либералами почти гипнотически. Но теперь уже можно сказать точно: страна отвергла этот проект, поняв, что у нее иной путь. Столь же сознательно Россия несколько раз срывала становление национального государства. То, что мы видим сейчас, — это своего рода очередной протест русского духа против слишком простых, не адекватных ему форм самоидентификации.

В поисках идентичности, не следует упускать еще один немаловажный момент. Наступившая эпоха машинно-компьютерного слова и образа позволила поставить вопрос об информационном обществе, в котором чрезвычайно важную роль стало играть производство идей и смыслов. Впрочем, черты информационного общества еще во многом не ясны — оно находится в процессе становления. Многие исследователи полагают, что электронные средства связи преобразуют общество так же радикально, как это сделало распространение письма в эпоху традиционного общества.

Для современного западного сознания характерна точка зрения, согласно которой проблемы, связанные с противостоянием человека и общества, вполне могут быть решены с помощью технических средств. В то же время проблемы человеческого общения, формирование, «конструирование» духовной жизни общества можно решить также с помощью информационно-технического прогресса.

Новые средства общения, будучи технологическим «продолжением» человеческих чувств, радикально меняют жизненный стиль, ценности, восприятие мира и всю общественную организацию в целом. Можно образно выразиться, что в информационную эпоху электроника «продолжает» центральную нервную систему. Возникает своеобраз-

ная «глобальная деревня», аналогичная миру архаичного человека, но на более высоком уровне. В ней в новой форме возрождается утраченный современным индивидуумом сенсорный баланс [4, с. 194].

Современный информационный прогресс сам по себе не представляет какой-либо опасности, однако всякое благо в излишестве превращается в свою противоположность. Сложность и значимость поднимаемой нами проблемы заключается прежде всего в том, что информационное поле современной цивилизации прямо влияет на самоидентификацию личности и, следовательно, национального менталитета в изменяющихся ценностных ориентациях современного социума.

И эта самоидентификация связывается прежде всего с политической, экономической и культурной стабильностью социума. Такой подход позволяет коренным образом изменять наши представления о взаимоотношениях человека с электронными продуктами цивилизации, выяснить основные опасности для личностных ментальностей со стороны современной техники и технологий.

Можно говорить об ужесточении своего рода противостояния человека и машины, в том числе в российском социокультурном пространстве. В русской душе имеется самая благодатная почва для культивирования и поддержки апокалипсических идей, начинающейся эсхатологической истерии – и, как следствие всего этого, на сегодняшний день довольно слабое сопротивление и слабое сопротивление и внешним воздействиям как у отдельно взятого индивида, так и в обществе в целом [4, с. 195].

Многoletние «перестройки», «реформы», «модернизации» российского общества как особенного социально-политического образования, отличающегося многими принципиальными характерными чертами от других, в чем-то ему подобных, в соответствии с требованиями технологической цивилизации западного, к примеру, образца, в том числе и информационно-компьютерное развитие социума, предполагает развитие и своеобразного механистического, рационалистического понимания, то есть изменения определенным образом существующих сегодня (достаточно подвижных, но все еще устойчивых) ценностей, внутренних установок. Можно предположить, что в России происходит скрытая утрата духовности под лозунгом развития цивилизации и приобщение к ценностям и успехам «остального» мира, то есть продолжается расширение и углубление современного духовного кризиса.

Сегодня ее историческая миссия – уцелеть. А для этого, чтобы уцелеть, Россия должна, по крайней мере, обеспечить свою территориальную целостность, т. е. удержать то, что есть, не допустить демографической катастрофы.

Бездумное, неосмотрительное вхождение России в «цивилизационное евроатлантическое сообщество» может означать замену своей системы ценностей на чужую, вхождение в чужое смысловое пространство и отказ от своего смысла, реальную угрозу уничтожения смысловой основы российской цивилизации.

И было бы ошибкой полагать, что сегодня русской идеи нет, но вызвать ее к жизни можно, обратившись только к дореволюционному прошлому, с которым нужно восстановить преемственную связь, реанимировав тем самым русскую идею дореволюционного общества, его дореволюционное самосознание на современном этапе истории России. Предполагается, что, обретая посредством подобной преемственности национальную идентичность, Россия займет свое «исконное место» среди европейских государств.

В результате постоянной необходимости отвечать на вызовы извне России пришлось ускоренными темпами модернизироваться, применять для освоения обширных пространств достижения технически более развитых государств, сохраняя при этом традиционные, исторически сложившиеся формы государственной организации, необходи-

мые для сохранения целостности страны. Необходимость принимать инновационность Запада, сохраняя собственные традиции, привела к расколу общественного сознания, кризису национальной и культурной идентичности, который впоследствии попыталась преодолеть советская власть посредством искусственного конструирования надцивилизационной и наднациональной идеологии, удовлетворявшей какое-то время нужды модернизации общества, но затем переставшей им отвечать, следствием чего стал распад СССР и углубление кризиса национального самосознания. При этом российское общество столкнулось с теми проблемами общественного развития, с которыми сталкивалась Россия до революции, но которые были сняты в СССР, – прежде всего это необходимость встроиться в мировой рынок и обрести новую идентичность, как культурную, социальную, так и политическую.

В период реформ 1990-х годов российское общество искало новых смыслов социального бытия в правах человека, свободе слова, утилитарных ценностях общества потребления и недоступных прежде религиозных практик. Но к началу XXI века в российском обществе проявляются тенденции возврата к традиционным для российского культурно-исторического типа социально-политическим практикам – тяготение к государственному патернализму, устранение от общественной жизни и сосредоточение на индивидуальных интересах.

Отвечая на вызовы глобализации, преодолевая кризис национальной и культурной идентичности, но с опорой на свои культурные ценности и историческое наследие, Россия может выйти на путь эволюционного развития, отказавшись от характерной для нее в прошлом модернизации на основе революций, которые приводили к слому устоявшихся социальных связей и потрясениям социальной структуры.

И возможно, что Россия получит сейчас возможность стать самой собой, как это было в пик осознания своей уникальности, то есть рассматривать себя «самодостаточно, целостно и непротиворечиво», без постоянных попыток причислить себя к Западу или Востоку.

Ссылки:

1. Полежаев Д.В. Идея менталитета в русской философии «золотого века». Волгоград, 2003.
2. Сургуладзе В.Ш. Грани российского самосознания. Империя, национальное сознание, мессианизм и византизм. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.
3. Кортунов С.В. Национальная идентичность: Постижение смысла. М., 2009.
4. Полежаев Д.В. Указ. соч.

References (transliterated):

1. Polezhaev D.V. Ideya mentaliteta v russkoy filosofii «zolotogo veka». Volgograd, 2003.
2. Surguladze V.S. Grani rossiyskogo samosoznaniya. Imperiya, natsional'noe soznanie, messianizm i vizantizm. 2nd ed., rev. and add. M., 2010.
3. Kortunov S.V. Natsional'naya identichnost': Postizhenie smysla. M., 2009.
4. Polezhaev D.V. Op. cit.